

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ А. БЕЛЯНИНА «МОЯ ЖЕНА – ВЕДЬМА»

В статье говорится об устаревшей лексике в романе А. Беянина «Моя жена – ведьма» как средстве исторической стилизации, позволяющей передать путешествие героев в разные эпохи. Определяется морфологическая представленность устаревших лексем, их лексико-тематическая отнесенность и функционально-стилистическая нагрузка в структуре романа.

Ключевые слова: роман А. Беянина «Моя жена – ведьма», устаревшая лексика, историческая стилизация.

Книга А. Беянина «Моя жена – ведьма» представляет современную фантастическую литературу. Автор переносит героев романа в разные измерения, в «Темные миры», которые «являют собой хаотическое нагромождение пространств, эпох и вселенных», для чего использует различные средства исторической стилизации, в том числе устаревшую лексику.

С точки зрения морфологической принадлежности преобладают устаревшие слова, выраженные именем существительным с различной стилистической и эмоциональной окраской: *темница, одеяние, издревле, стражник, товарка, строк, девица, батюшка* и др. Среди субстантивов представлены сложные слова: *чужеземец, богохульство, чернокнижник, прелюбодаяние, престолюдин* и др. На втором месте по распространенности выступают устаревшие глаголы, которые также имеют различную эмоционально-стилистическую окраску: *даровать, внимать, восседать, молвить, впериться, ведать, умилостивить* и др. Также встречаем устаревшие имена прилагательные, в том числе сложные и субстантивированные: *дивный, незлобивый, чародейный, суций, тленный, благообразный, чудодейный, инакомыслящий* и др. В романе обнаружено незначительное количество устаревших наречий (*окрест, праведно, красно (складывать), доселе*), местоимений (*сей, оный*), а также союзов (*дабы, ибо, али*).

В структуре романа встречаются устаревшие элементы, представляющие собой застывшие предложно-падежные формы (*под ружье, по батюшке* и др.) и цельные словосочетания (*вчерашнего дня, поклониться в пояс* и др.). Устаревшие элементы могут входить в состав устойчивых выражений и прецедентных цитат: *воздеть руки; превеликое множество; исчадие ада; испить горькую чашу; неисповедимы пути Господни; смилуйся, государыня рыбка* и др.

В художественном дискурсе, представляющем собой эстетически организованную систему языковых средств, устаревшие лексические единицы приобретают особую функциональность. Как уже отмечалось, они выступают средством исторической стилизации, используются в номинативной функции, позволяя воссоздать определенную эпоху: *Разве можно было ожидать, что он явится в рыцарских доспехах или герцогском камзоле с буфами, бобровой оторочкой и золотой цепью на шее?; Равно как нет здесь ему, ни в твердынях Асгарда (где, между прочим, известные бороды бывают), ни в срединном краю; Барин был мрачен. Он молча проиествовал мимо нас, сел во главе стола и рывкнул лакеям, чтоб подавали и т.д.*

Встречаем так называемые этнографические устаревшие элементы: название одежды (*камзол, сюртук*), денежных единиц (*червонцы, грош, серебро*), помещений (*мелья, кремль, харчевня*), домашней утвари (*чаша, плошка*) и др. Представлены также устаревшие общественно-политические слова, именующие носителей власти (*властитель, государыня, царевич, воевода*), представителей сословий (*барин, барыня, графиня*) и другие общественные понятия (*инквизиция, четвертовать, совхоз*). Немало устаревших элементов относится к военной (*арбалетчик, кольчуга, кираса*) и религиозной (*богохульство, прелюбодеяние, знамение*) лексике, позволяющей описать обстановку определенной эпохи (например, средневековья). Широко представлены устаревшие лексемы, характеризующие людей по разным признакам: *товарка, отрок, менестрель, алхимик, прислужник, лакей, лоточник, прелюбодей, любовник* и др.

Многие устаревшие слова выступают средством речевой характеристики персонажей, помогая читателю получить дополнительную характеристику героя или посредством архаических элементов демонстрируя его существование в рамках конкретной эпохи.. Так, устаревшие слова широко представлены в речи ангела Анцифера, что придает его высказываниям торжественное, патетическое звучание (*лукавый, искуситель, внимлите, изыди, дитя света, ведомые суровой необходимостью, принять мученический венец* и др.), в то время как его антипод – черт Фармазон – выражается разговорной, сниженной, просторечной и жаргонной лексикой. В речи представителей средневековья и царской России устаревшая лексика выступает, прежде всего, в номинативно-стилистической функции.

Например, один из представителей «коричневой» братии времен средневековой Испании говорит: *Увидев на дороге чужеземца в нехристианской одежде, они обратились к нему со словами смирения и человеколюбия, но он бросился на них с кулаками, изрыгая страшные богохульства.*

Попав в средневековую темницу, главный герой знакомится там с персонажем, который рассказывает о себе: *Меня Иваном зовут, я третий сын царя Еремея. По батюшкиному указу мы с братьями старшими по свету белому в разные стороны хаживали – лекарство для матушки приболевшей искать. Шесть людей боевых для дальней дороги снаряженные да дружина храбрая в две сотни душ нам в поход приданы были. Много мы пережили, много земель повидали, многим чудесам дивовались, а только раз ночью бес меня попутал.*

С этим же персонажем у главного героя состоялся такой диалог:

– Тебя как величать-то?

– Сергей.

– А по батюшке?

– Александрович.

Барин, представляющий Россию начала XX века, так выражает свой гнев:

– Хамы! Холопы! Быдло! Да я вас в батога! В Сибирь на вечную каторгу!!! В солдаты под ружье на полный срок!

Устаревшая лексика используется А. Беляниным как средство выражения авторского отношения к происходящему, чаще всего с ироническим оттенком, позволяющим придать повествованию комизм; в таком случае она звучит из уст главного героя: *И вот, когда я встаю, дабы направиться в ванную, эта дура тарелка, до краев наполненная дымящимся борцом, вдруг решает, что ее бросили, и срывается следом за мной; Но злоумышленница, резко поумнев, сразу после моего вопля бросилась мыться и давно замаскировалась на полке с посудой среди своих фарфоровых товаров; – Естественно, ибо как муж принадлежит своей жене, так и жена принадлежит своему мужу, – важно заключил я.*

Таким образом, устаревшая лексика, разнообразная по морфологической характеристике и лексико-тематической отнесенности, широко представлена в романе А. Белянина «Моя жена – ведьма», где является средством исторической стилизации и речевой характеристики персонажей, выполняет номинативно-стилистическую функцию, функцию выражения авторского отношения к происходящему, позволяя придать повествованию иронический и комический эффекты.